

РУССКО-БЕЛОРУССКИЕ ГЕТЕРОЛЕКСЫ КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование процессов и результатов лексического взаимодействия русского и белорусского языков проводится уже несколько десятилетий, но проблема в целом еще далека до окончательного завершения. Лингвистически значимыми оказываются многие ее аспекты: история становления двуязычия, состояние и перспективы изучения русского языка в Беларуси, типология языков, типы билингвизма, речевая культура носителей русского и белорусского языков и ряд других. В последнее время заметно активизировались сопоставительные, сопоставительно-типологические, контрастивные методы исследования, обсуждаются объект и предмет сопоставительной лексикологии (включая семасиологию), принципы этой научной дисциплины, единицы сопоставления и другие вопросы (Барнет В., Коллар Д., Скаличка В., Макаев Э., Будагов Р., Бережан С., Гак В., Супрун А., Плотников Б., Широкова А., Васильева В. и др.)¹.

¹ Белорусскими учёными при сопоставлении различных систем близкородственных языков были затронуты особенности в развитии категории числа имен существительных в русском и белорусском языках (Шуба П.П. Категория числа имен существительных в русском и белорусском языках // Рус. яз.: Межвед. сб., – Мн., 1982 – Вып. 2. – С. 91-96), проведены аналогии с русским языком в описании белорусских предлогов (Шуба П.П. Прыназоўнік у беларускай мове. – Мн.: Выд-ва БДУ, 1971, – 224 с.); проблемы русско-белорусского словообразования и деривационной грамматики (Никитевич В.М. Теоретические основы деривационной грамматики: Уч.пособие по курсу "Общее языкознание: В 2 ч.". – Гродно, 1983. – 86 с.); исследованы русские и белорусские номинанты, существование которых обусловлено наличием лексических лакун в одном из языков сопоставления (Роўда І.С. Рознаўзроўневая намінацыйная адпаведнасць беларускай і рускай моў (у сувязі з праблемай лексічных лакун). – Мн.: БДУ, 1999. – 170 с.); последовательно представлены сходства и различия в области синтаксических систем близкородственных языков (М.И.Конюшкевич; В.А.Лещенко. Синтаксис русского и белорусского языков: сходства и различия. – Мн.: Нар. асвета, 1994. – 159 с.). Сравнительный анализ грамматики русского и белорусского языков по ключевым разделам языкознания предложен Н.И.Гурским (1962) и Н.В.Абабурко (1992). К проблемам сопоставительного изучения стилистических систем русского и белорусского языков обращается М.Г.Булахов (Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков. – Мн.: БГУ, 1979. – 40с.). В соавторстве с Г.П.Ижакевич, В.М.Брицыным он анализирует функционирование русского языка в близкородственном языковом окружении (1981). Уместно назвать коллективные работы белорусских лингвистов "Русский язык в Белоруссии"(1985) и "Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси"(1999), в которых изучаются русско-белорусские языковые контакты.

Этот ряд научных исследований в области русско-белорусских языковых отношений можно значительно продолжить, но мы не ставим своей задачей подробное, детальное, всеохватывающее описание библиографии по проблеме двуязычных контактов, которое практически не имеет своей нижней границы, т.к. исследования постоянно обновляются.

Как видим, по теории сравнительно-сопоставительного анализа языков и практике их преподавания накоплен немалый опыт, однако до сих пор остается открытым ряд вопросов, без ответа на которые невозможно построение общей типологии лексико-семантических систем русского и белорусского языков, а также решение многих задач более частного характера. Малоизученной с формальной точки зрения является часть словарных составов русского и белорусского языков, получившая в научной литературе название гетеролекс. Детальному анализу их внешнего облика и содержательных структур посвящено настоящее исследование.

Явление гетеролексии отмечено во многих языках, но до этого времени не исследовано полно. В лингвистике нет чёткого определения гетеролекс, отсутствует словарь этих единиц. Однако данный термин использовался и используется учёными при анализе лексико-грамматических отличий между русским и белорусским языками.

Л.П.Кунцевич, анализируя родовые значения белорусско-русских паралекс-существительных, отмечает, что проблема родовых отличий гетеролекс не может быть поставлена в синхронно-сопоставительном плане, более интересны здесь паралексы [6, с. 80]. Проанализировав три класса русско-белорусской лексики в точки зрения формы, С.А.Горская, кроме омолекс и паралекс, выделяет гетеролексы – слова, которые полностью отличаются по форме [3, с. 5]. А.Е.Михневич выявил три вида лексико-грамматических отличий: фонетико-морфологические, нерегулярные паралексические и нерегулярные лексические (типа *лукцыбуля*) [7, с. 140]. П.П.Шуба считает, что значительная часть лексики русского и белорусского языков может быть условно отнесена к гетеролексам, т.е. словам, которые отличаются своим звуковым составом, но имеют одинаковое значение, и по существу являются той основой, которая и отличает специфику того и другого языка [13, с. 136]. В работе украинского языковеда А.М.Поповского слова типа: *рік – год; місто – город, папір – бумага* и др. называются гетерогенными лексическими соответствиями [8, с. 30]. С.Г.Бережан как самостоятельные единицы квалифицирует те лексические элементы, которые совпадают по смысловому содержанию, но полностью различны по форме [2, с. 96]. Авторы сборника "Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси" рассматривают гетеролексы как разнокорневые корреляты: *алчный – сквапны, прагны; благовестить – званиць* (1999, 38).

В этих и других работах делается только ссылка на существование гетеролекс в близкородственных языках, однако точная, развёрнутая трактовка этого понятия отсутствует.

Как паралексы и средства, компенсирующие лексические лакуны, гетеролексы подчёркивают прежде всего отличие близкородственных языков. Если языковые системы имеют большое количество формально-семантических расхождений, то факт наличия этих слов на фоне других отличий, на первый взгляд, не является очень броским и характерным. Но русский и белорусский языки имеют достаточно высокий процент общего, схожего. (Так, например, С.А.Горская в результате сравнительно-сопоставительного анализа русско-белорусских омолекс – слов, находящихся в отношениях формального сходства, – утверждает, что омолексы составляют 60% различных лексикографических источников) [3, с. 4].

Следовательно, гетеролексы являются одной из ярких отличительных особенностей лексических систем этих языков.

1.1. Условия возникновения гетеролекс

Указывая на условия возникновения гетеролекс при контактировании русского и белорусского языков, важно подчеркнуть комплексность проблемы: наряду с близким родством этих языков, уходящим своими корнями в историю, здесь немалую роль играют факторы социальные, политические, психологические.

1.1.1. Ситуация близкородственного двуязычия

Мы рассматриваем не изолированное существование, а взаимодействие и функционирование близких языков, языковые контакты. Сравнение русского и белорусского языков в ситуации белорусско-русского двуязычия подтверждает наблюдения: формальные выражения белорусских слов во многих ситуациях различаются лишь за счёт большей дифференцированности в фонетической, словообразовательной и орфографической системах русского языка в сравнении с белорусским.

1.1.2. Этимологизация

Генетически разные лексемы, разные способы передачи народной этимологии в русском и белорусском языках создают гетеролексические пары. Например, название месяцев, обрядов, домашней утвари и т.д.; номинации в разряде служебных слов, наречий, междометий (*апрель – красавік; ноябрь – лістапад; блавест – звон; наверное – мабыць; даже – аж; варнак – катаржнік; маклак – перакупшчык и др.*). По мнению В.В.Аниченко, наиболее значительные лексические различия белорусского языка и русского появились в период формирования и становления обоих языков как национальных (XVIII – нач. XIX в.) [1].

1.1.3. Формирование части гетеролексических пар на народно-разговорной почве

Особенно это касается белорусского языка, т.к. главный источник пополнения словарного состава — разговорная речь белорусского народа. А русский язык включает больше устаревшей, церковной, книжной лексики, что объясняется влиянием письменной традиции на современный русский литературный язык (*извѣстка – вапна; кондрашка – паралюш; костолом – ламота; надувала – ашуканец; подштанники – споднікі; перечерканный – перакрэслены; колпачить – абдурваць; лапаць – мацаць; песочить – прабіраць и др.*).

В речи билингва до сих пор наблюдается устойчивость отдельных диалектных конструкций. Например, употребление удвоенной приставки *папа-*: *порасправить – паразгладжаць, папаразгладжаць; побросать – пакідаць, папакідаць, папакідваць и др.*

Лексика — система открытая, подвижная, нестабильная, постоянно пополняющаяся новыми элементами, несоответствиями в коррелятивных структурных участках. Причем сейчас русский язык (хотим мы того или нет), по существу, является источником обогащения белорусской лексики общественно-политической, научной, военной и общекультурной терминологией, посредником в заимствованиях лексики из языков других народов. Однако это ни в коей мере не уменьшает национальный колорит, этнографические и языковые особенности, присущие белорусскому языку.

1.1.4. Формирование части гетеролексических пар в результате проникновения иноязычных слов или элементов

Результатом продолжительного польско-белорусского языкового взаимодействия явились многочисленные полонизмы в составе лексической системы белорусского языка, особенно распространенные в западнобелорусских говорах: *стругать – габляваць; канат – ліна; клубника – трускалкі; заметка – нататка;*

почка – нырка; чай – гарбата. Возможно, что на это оказал влияние этнический фактор (на территории Беларуси жили и поляки, и литовцы). Несмотря на то, что составители РБС-91 слово *карбованец* подают с пометой *обл.*, данное просторечное заимствование из украинского языка. По мнению А.А.Станкевич, основным показателем закрепления заимствований в лексической системе является их формальная и семантическая адаптация [11, с. 168]².

1.1.5. Ситуация, когда слову одного языка нет однословного соответствия в другой языковой системе, независимо от интра- и экстралингвистических причин: очкарик – у акулерах; досуг – вольны час, часіна; домохозяйка – гаспадыня дома; загребной – кармавы вясляр.

1.1.6. Возникновение гетеролексических пар из-за несоответствий в стилистических характеристиках (т.е. различная стилистическая маркировка предполагает разнообразную номинацию: одно- или несколькословную)

“Экспрессивно-стилистическая окраска, – пишет Д.Н.Шмелёв, – это не окраска слова как звукового комплекса, а та призма, сквозь которую воспринимается “смысл”, связанный с данным звуковым комплексом” [14, с. 111]. По нашим наблюдениям, количество корреляций, в составе которых члены различаются стилистической характеристикой, превышает количество корреляций, члены которых адекватны в стилистическом отношении.

Рус байбак – бел. 1) (зоол.) байбак – омолокс

2) (перен.) абібок

3) (разг.) цяльпук

4) (прост.) цюхцяй

гетеролексы

Подобное стилистическое неравновесие часто является причиной трудностей, вызывает интерференцию в условиях двуязычия.

1.1.6.1. Создание гетеролекс “искусственно”

Мы руководствуемся данными РБС-91. Составители словаря подают подобные пары с несоответствием лексико-стилистических характеристик, которые “нередко имеют камуфляжное назначение – прикрыть настоящую суть дела” [5, с. 59]. В одном синонимическом ряду с нормативно стилистическими омолоксами и паралексами как равноправные подаются “слова-пришельцы” или искусственные гетеролексы: *кляча – кляча*, (разг.) *чучка*; *выиграть – выйграць*, (разг.) *выскураць*; *мастерить – майстраваць*, (прост.) *мэдзіць*.

Если не обращать внимания на стилистическую адекватность, то переводные эквиваленты выглядят как приблизительные или просто неуклюжие. Трудно усмотреть нужду в подобных новообразованиях, но зафиксировать ситуацию несоблюдения критерия адекватности перевода как одну из причин образования разнокорневых коррелятов необходимо.

В результате подобных причин на сегодняшний день в русском и белорусском языках образовалось около 9 тысяч разнокорневых соответствий, которые мы рассматриваем как гетеролексы. Основной принцип выделения этих слов – *разница корневой части* (словообразовательные форманты могут совпадать полностью, частично, отличаться).

² Подобные пары некоторые лингвисты называют изолексами. Как показывают работы по сопоставительному изучению славянской лексики, для возрождения древних взаимоотношений славянских языков наиболее важными являются специфические (“частные”) *изолексы*, которые связывают две языковые территории или их части на общеславянском или восточнославянском лексическом фонде (белорусско-русские, белорусско-украинские, белорусско-польские и т.д.). Изолексы помогают выявить как генетические отношения, так и контактные связи между языками. (Вярэні Л.В. Сб. Беларуска-рускія ізалексы, 1973; Беларуска-украінскія ізалексы, 1973.

Аб беларуска-польскія ізалексах // Слова беларускае (з гісторыі лексікалогіі і лексікаграфіі). Мн.: Нар. асвета, 1994.

Различие – это разница, несходство, несовпадение между чем-либо (кем-либо). (Толковый словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1986).

Определение различий происходит на разных уровнях языка: парадигматическом (соотношение категорий рода, вида, числа, времени и т.д.), фонологическом, семантическом, словообразовательном и др. Нас, прежде всего, интересуют формальные различия в лексической системе русского и белорусского языков. Как отмечал А.Е. Супрун, "10-20% слов в белорусском тексте полностью отличаются от слов русского языка" [12, с. 12]. По нашим подсчётам, гетеролексы составляют 9% выборки из 100-тысячного РБС-91. (Не брались во внимание случаи, когда слову одного языка соответствует лексическая лакуна во втором языке. Взгляд на проблему лексических лакун и средств их компенсации изложен И.С.Ровдо в докторской диссертации, монографии, статьях, научных докладах. По его подсчётам лексические лакуны в белорусском языке (по отношению к русскому) составляют 1700 единиц, не считая случаев, когда русскому слову в белорусском языке соответствует слово-гетеролекс и синонимичная ему аналитическая номинативная единица типа: *рус. навредить – бел. нашкодзіць, нарабіць шкоды*. Подобные соответствия увеличивают указанную цифру приблизительно в четыре раза) [9, с. 4].

Как видим, общий процент лексических различий достаточно высокий. "Слово является основной функциональной структурной единицей и обладает сложной семантической и морфологической структурой," – пишет А.А.Уфимцева [13, с. 69]. При сопоставлении словарных составов русского и белорусского языков выявляются специфические особенности в областях фонетики, графики, орфографии, морфологии, морфонологии, словообразования, семасиологии, свойственные каждому из них. Следовательно, можно предположить следующее: чем больше различий между языками и культурами народов, тем заметнее их лексическая индивидуальность.

Близкородственные русский и белорусский языки в процессе развития унаследовали общую лексику. Этому способствовали и близость территорий, и единство происхождения, и тесное взаимодействие языков, и др. Но наличие общих черт в лексических системах не говорит об их тождестве. На протяжении долгого времени происходили процессы изменения словарных составов. Учёные, занимающиеся проблемой сравнительно-сопоставительного описания лексики, выделяют два основных её пласта: сближающую и дифференцирующую (Лукашанец, 1985; Михневич, 1981; Ижакевич, Лагутина, 1981; Супрун, 1981; Николаева, 1999 и др.). Ещё Ф де Соссюр обращал особое внимание лингвистов на эту сторону изучения языка как системы. "Весь языковой механизм, – писал он, – вращается исключительно вокруг тождеств и различий" [10, с. 173].

Словарный состав русской и белорусской лексики с точки зрения формальных отношений делится на три класса, выявляя тем самым соответствия с совпадающими, частично совпадающими и несовпадающими лексемами:

омолексы – слова, находящиеся в отношениях формального тождества или совпадения (*дом – дом; снег – снег; переправа – пераправа; мир – мір* и др.);

паралексы – слова, находящиеся в отношениях формального пересечения (*яблоко – яблык; корабль – карабель; вчера – учора; изгиб – выгіб* и др.);

гетеролексы – слова, полностью различающиеся по форме (*тётрадь – сшытак; шляпа – капялюш; буква – літара*).

Наличие совпадений (полных или частичных) в ситуации близкородственного двуязычия стимулирует на поиск дифференцируемых явлений, определяемых сопоставительным методом по признаку различия. По мнению А.Д.Зверева: "Различия могут быть понятны на фоне общих для сопоставительных языков

структурных элементов. Вместе с тем особое внимание должно уделяться именно различиям, т.к. выявление различий ведет к установлению специфики в структуре и функции отдельных подсистем близкородственных языков" [4, с. 15].

1.2. Понятие гетеролекс и их структурные типы

Как уже было отмечено, самым обычным видом отношений между словами с точки зрения формы является их полное различие, несовпадение. По мнению С.Г.Бережана, это одна из основных логических предпосылок нормального функционирования знака в любой кодовой системе [2, с. 96]. Этим качеством слова достигают максимальной эффективности как коммуникативные единицы. Например, русское *блюдец* так чётко противопоставляется белорусскому *сподак*, потому что у них нет ничего общего во внешней форме. Формальное несовпадение слов названо нами *гетеролексией*.

Гетеролексы выявляются в ситуации, когда понятие, обозначаемое ими, является межъязыковым. Они характеризуются:

а) различной фонетико-графической оформленностью (прежде всего корневой части);

б) реже анализмом: лексическим, грамматическим, деривационным и т.д. (в случае, когда слову одного языка соответствует лексическая лакуна в другом языке);

в) моно- и полисемией каждого компонента пары³;

г) единством семантического значения между компонентами пары, что дает им возможность взаимозаменяться в зависимости от контекста. Объем значения может совпадать, перекрещиваться, накладываться, включать один объем значения в объем другого;

д) функциональной самостоятельностью.

Для типологической характеристики русско-белорусской лексики особое значение имеет изучение несовпадения корневой части семантически тождественных единиц. Если допустить, что коррелятивные единицы русского и белорусского языков имеют тождественные референтные (лексические) значения, то в плане выражения у них нарушается формальная эквивалентность, главным образом, корневой части, а у словообразовательных формантов наблюдается полное или частичное совпадение, несовпадение.

Поскольку в лингвистической науке до сих пор нет чёткого определения гетеролекс, не решен, например, ряд вопросов: В чем сущность гетеролекс? Как их интерпретировать? Каково их место среди других слов русско-белорусской лексики?.. и др. Поэтому сформулированное нами определение гетеролекс примем за рабочее.

Гетеролексы (от греч. *heteros* – другой) – это слова, в которых нарушена формальная эквивалентность, но сохранилась семантическая, либо слова, которые имеют одинаковое значение в обоих языках (объемы этого значения могут совпадать, перекрещиваться, накладываться, включать один

³ Случаев, когда у слова русского языка существует однословный эквивалент в белорусском: *бахрома* – *махры*; *победа* – *перамога* и т.д., обладающий всеми теми же характеристиками, значительно меньше по сравнению со случаями, когда переводимое слово имеет несколько значений и переводящий эквивалент обладает несколькими из этих значений. Причем, в одном значении слово может быть омолексом, в другом – паралексом, в третьем – гетеролексом, комбинации бывают различными:

рус. *смирно* – бел. 1) *смірна* (ваен.) – омолекс

2) *ціха, спакойна* – гетеролекс;

рус. *смешанность* – 1) *змяшанасць* – акцентологический паралекс

2) *зблытанасць* – гетеролекс

объём значения в объём другого) и образованные от разных корней (словообразовательные форманты не учитываются).

Они наблюдаются в различных разновидностях лексики: разговорной (*надувала* – *ашуканец*; *мутник* – (*рыболовная снасть*) *таптуха*; *стирочный* – *праьны*; *фортит* – *шанцаваць*; *песочить* – *прабіраць*; *глупить* – *рабіць глупства*, *дурыць* и др.; общественно-политической: *гласить* – 1) *апавяшчаць*, *абвяшчаць*; 2) *гаварыць*, *казаць*; *обличитель* – *выкрывальнік*; научной, производственно-технической: *бурав* – *свердзел*; *горбыль* – *аполак*; *питатель* – *сілкавальнік*; *числитель* – *лічнік* и др. Процесс увеличения гетеролекс по итогам фактического материала словарной выборки наиболее заметен в разговорной лексике, которая входит в состав литературного языка. Возможно, что это связано с оживлением национально-культурных процессов в республике и общей тенденцией белорусского языка развивать лексические богатства народных говоров.

Исходя из системного, структурного понимания языка, остановимся на мысли, что в основе возникновения гетеролекс лежит лексико-морфологическая специфика оформления слов в русском и белорусском языках. Кроме лексического значения подобные корреляты характеризуются морфемно-структурной и грамматической оформленностью. Следовательно, разделив взаимооднозначные соответствия на структурные типы, можем описать формальные фрагменты белорусской лексики и сопоставить их с русскими.

Структурные типы размежевания русско-белорусских гетеролекс

1. Морфемный:

а) с совпадением морфемной структуры в обоих языках: *арбуз* – *кавун*; *горстка-а* – *жмень-к-а*; *овраж-ист-ость* – *яр-ыст-асць*; *воз-лож-енн-ый* – *ус-кладз-ен-ы*; *сроч-н-о* – *тэрмін-ов-а*;

б) несовпадением морфемной структуры в обоих языках: *бот-инок* – *чаравік*; *воз-душ-н-ость* – *лёгк-асць*; *ярос-т-н-о* – *лю-т-а*, *раз-лю-т-ав-ан-а*; *маст-и-ть* – (*камнем*) *брук-ав-а-ць*.

2. Аффиксальный:

а) с полным формальным совпадением аффиксов: *булав-к-а* – *шпіль-к-а*; *стол-яр* – *цясл-яр*; *толч-ок* – *штурш-ок*; *на-клон* – *на-хіл*; *зноб-к-ий* – *зол-к-і*; *лентяй-ск-ий* – *гультай-ск-і*; *чрев-ат-ый* – *баг-ат-ы*;

б) с частичным формальным совпадением аффиксов, обусловленным регулярными различиями между белорусским и русским языками, которые объясняются фонетическими, морфологическими, орфоэпическими и орфографическими правилами: *фонар-щик* – *ліхтар-шчык*; *спор-н-ость* – *спрэч-н-асць*; *меч-ен-ый* – *знач-ан-ы*; *лап-а-ть* – (*прост.*) *мац-а-ць*; *пах-а-ть* – *ар-а-ць*; *след-и-ть* – *сач-ы-ць*;

в) с полным формальным различием аффиксов, обусловленным нерегулярными отличиями между белорусским и русским языками, которые не объясняются фонетическими, морфологическими, орфоэпическими и орфографическими правилами: *уч-и-тель* – *настаў-нік*; *печат-н-ик* – *друк-ар*; *со-держ-а-тель* – (*уст.*) *гаспад-ар*; *у-клон-н-ый* – *па-кац-і-ют-ы*; *в-колоч-енн-ый* – *у-бі-т-ы*; *колпач-и-ть* – *аб-дур-ва-ць*; *укр-и-ть-ся* – *нераст-ав-а-ць*.

3. Грамматический:

ад (м.р.) – *пекла* (с.р.); *выюнок* (м.р.) – *бязрозка* (ж.р.); *глаз* (м.р.) – *вока* (с.р.); *дюйм* (м.р.) – *цяля* (ж.р.); *знамя* (с.р.) – *сцяг* (м.р.).

Бахрома – *махры* (ед. нет); *грызло* – (*в уздечке*) *цуглі* (ед. нет); *квасцы* (ед. нет) – (*хим.*) *галын*; *озноб* – *дрыжыкі* (ед. нет); *помолвка* – *заручыны* (ед. нет).

Западнее – *на захад ад...*; *южнее* – *на поўдзень ад* и т.д.

4. Акцэнталогічны:

до-прос – *до-пыт*; *пере-жим* – *пярэ-ціск*; *гроб-и-ть* (прост.) – *губ-і-ць*; *камыш-ов-ый* – *чарот-ав-ы*.

5. Стылістычны:

Будучи близкородственными и развиваясь в постоянных тесных контактах, белорусский и русский языки обладают общими стилистическими категориями, функциональными стилями, однако эта общность не означает нивелирования особенностей национальной экспрессивно-стилистической системы каждого из них. Полной стилистической тождественности между исследуемыми микросистемами нет.

Стража (уст.) – *варта*; *таволга* (бот.) – *вятроўнік*; *захожий* (прост.) – *прышлы*; *сшибленный* (разг.) – *збіты*; *бредить* – 1) *трызніць*, *блюзніць*; 2) (перен.) *вярзці*; 3) (перен.) *марыць* и др.

6. Семантический:

Этот структурный тип мы выделяем, благодаря анализу семантических объёмов гетеролекс. Полное совпадение единиц двух языков в плане содержания – явление почти что уникальное, на самом деле между ними, как правило, выявляются некоторые расхождения в объёме значений, в стилистической, эмоционально-экспрессивной окраске. Семантическая эквивалентность с учётом ономаσιологического и семасиологического аспектов была сформулирована С.Г. Бережаном, Ю.Д. Апресяном, Л.А.Новиковым, И.А.Мельчуком, И.С.Ровдой и др. Если ономаσιологический аспект даёт нам возможность выделить омолексы, паралексы, гетеролексы, которые выявляются в направлении исследования “значение → форма”, то семасиологический аспект сопоставления даёт примеры омосемантов, парасемантов, гетеросемантов, которые выявляются в направлении исследования “форма → значение”.

1. Омосеманты – слова, которые находятся в отношениях семантической эквивалентности (*апрель* – *красавік*; *карандаш* – *аловак*; *благотворение* – *даб-рачыннасць*).

2. Парасеманты – слова неполного совпадения семантического объёма (*шляпа* – *капялюш*; *благоденствие* – *роzkвіт*; *бесстрастный* – *халодны*).

3. Гетеросеманты – полное несовпадение означаемых. Как отметил И.С.Ровдо [9, с. 14], этот случай наиболее интересен в плане функциональном, точнее в исследованиях, которые идут от произношения к языковой системе. У билингва с рецептивным знанием другого языка могут возникнуть ошибки в употреблении слов, которые чаще всего входят в одни и те же ЛСГ (бел. *снеданне* вместо русского *ужин* или наоборот).

На практике члены гетеролексических пар, как правило, включают ещё более сложные комплексы сходств и различий. Итак, выделенные нами структурные типы сложились, как результат генетического родства различного рода контактов, а также особенностей языкового развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Анічэнка У.В.** Гістарычная лексікалогія ўсходнеславянскіх моў. – Гомель, 1978.
2. **Бережан С.Г.** Семантическая эквивалентность лексических единиц. – Кишинев: Штиница, 1973. – 372 с.
3. **Горская С.А.** Русско-белорусские омолексы // Автореф... к.ф.н. – Мн.: БГУ, 1990. – 22 с.
4. **Зверев А.Д.** Словообразование в современных восточнославянских языках. – Мн.: Нар. асвета, 1981. – 208 с.
5. **Клюсов Г.Н.** Двухязычный переводной словарь: замечания и размышления // Русский язык: Межвед. сборник, Мн.: Университетское. – Вып. 6, 1986. – С. 52.

6. **Кунцевич Л.П.** К характеристике родовых значений белорусско-русских паралекс-существительных // там же. С. 79-92.
7. **Михневич А.Е.** Паралексы // Русский язык: Межвед. Сборник. – Мн.: БГУ, 1981. – С. 140.
8. **Поповский А.М.** Українсько-російські лексичні паралелі в писемних пам'ятках Південної України XIX – початку XX ст. // Вопросы восточнославянского языкознания: Сб. научн. тр. – Днепропетровск, 1985. – С. 30.
9. **Роўда І.С.** Рознаўзроўневая намінацыйная адпаведнасць беларускай і рускай моў (у сувязі з праблемай лексічных лакунаў). – Мн.: БДУ, 1999. – 170 с.
10. **Соссюр Ф.** Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. – М.: Наука, 1977.
11. **Станкевіч А.А.** Лексіка іншамовнага паходжання ў беларускіх народных гаворках. – Гомель: ГДУ, 1996. – 225 с.
12. **Супрун А.Е.** Лингвистические основы изучения грамматики русского языка в белорусской школе. – Мн.: Нар. асвета, 1976.
13. **Уфимцева А.А.** Лексическая номинация // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 5-85.
14. **Шмелёв Д.Н.** Очерки по русской семасиологии. – М.: Наука, 1961.

SUMMARY

Russian-Byelorussian heteroleks, the words with the complete formal difference, are the object of a special investigation for the time. They are examined in the article as well as the conditions of their origin. Using comparative and comparable methods, the structural types of delimitation of heteroleks are pointed out.